

Отплытие Авута состоялось через четыре дня после объявления его лордом замка Адовы Врата и небольшого пира, на который Принц и его брат собрали всех тех, кто был на тот момент недалеко от Солнечного Копья, или просто гостил в нем. К тому же как-то уже через чур быстро прибыли Айронвуды и еще двое лордов, чьи замки находились довольно удаленно. Нелепая отговорка Оберина о том, что этот визит был давно запланирован ради обсуждения важного дела и совпадение двух событий – просто случайность, еще больше убедила Прасета в его правоте на счет желания дорнийского правительства захомутать в подчинение результативного воина с уже готовой репутацией и небольшой армией, которую некоторые даже ставили в один ряд с безупречными, хоть и с оговоркой в три-два наемника к одному кастрированному рабу.

Весь пир состоял из эфемерных игр мускулами, перебрасываний колкостями да намеками, к которым Авут совершенно не привык даже в те времена, когда стал главой племени. Да и честно говоря он даже не пытался, тогда все было проще и решалось прибитием одного-двух послов из делегации и штукой угроз или бочек вина уже вождю соседнего поселения, а потом, когда мир начал меняться, более подходящие на роль дипломатов потомки взялись за переговоры и договоры. Сейчас же приходилось с постной рожей обычного наемника говорить с лордами и изредка отвечать на завуалированные или иногда открытые сомнения, пока Мартеллы во всю бравировали перед Айронвудами и прочими родами, показывая, что их ожерелье обзавелось одним очень интересным камешком.

Финалом всего послужила дуэль. Но не между Авутом и кем-то еще (на что Патриарх вполне открыто надеялся), а между Милтосом Ипато и каким-то мелким рыцарем, чьи владения удивительно удачно расположились на самой границе выданной Прасету земли. Как не банально, но все началось с женщины.

Не самый сдержанный в отношении прекрасного пола браавосиец, пусть и внявший голосу разума на счет перегибов, в течении всего пира проявлял доброжелательность и интерес к особам, начиная от дочерей некоторых лордов и продолжая обычными служанками и танцовщицами. И так уж получилось, что она высокородная леди, видимо откуда-то с более северных регионов, кокетливо ответила и завязала разговор на вполне безобидные темы. Но вот стоило появиться ее мужу, как дело резко приобрело оборот нелепой трагедии – оскорбленный супруг во всеуслышанье объявил, что подчиненный Авута покусился на честь его жены, не особо понимавшей что такого случилось. Может он хотел так избавиться от надоевшей жены, может хотел пробиться поближе к одному из лордов, не одобрявших резкий рост наемника, пусть результативно и рыцаря, до целого лорда. Никто этого не узнает, ибо молодой рыцарь позволил себе задеть ту струну души легкомысленного донжуана, что особо тонко и протяжно воет в каждом из отряда Рубиновых масок. Он оскорбил Авута Прасета. Не сильно, но достаточно для того чтобы вызвать недовольство, а уж в одном из воспитанников и вовсе ярость. Заметивший сборище и подоспевший от стола с закусками только к концу разговора новоиспеченный лорд не успел даже обрадоваться, что есть возможность отстоять свою честь, как рыцарь упал с разбитой скулой, а молодой браавосиец с презрением и яростью вызывал наглеца на дуэль.

Все закончилось быстро. Словно того и ожидавший (а Авут не удивился бы если вскрылось что и приложивший руку) Доран объявил, что есть возможность провести поединок прямо во дворе среди прекрасных экзотических цветов, что по слухам обожают кровь. Дуэлянты вышли друг к другу, выпивший старичок-септон, поддерживаемый весьма симпатичной септой, ответившей на улыбку Прасета, - прочитал молитву Семерым Богам и в тот же миг Оберин Мартелл лично дал старт. Первый удар тонкого клинка браавосийца скользнул по подставленному щиту, второй ветром пронесся по латам, как и третий с четвертым, а вот уже пятый начал вести черту к логическому концу. Молодой рыцарь ударил в момент, когда Милтос был на провалившемся подшаге. Меч сверкнул горизонтальным росчерком, но лишь рассек воздух. В тот же миг тонкая игла кончика меча ворвалась под латную рукавицу и прошла ее насквозь. Рыцарь вскрикнул и отпрянул, но Милтос уже был рядом. Юноша безразлично и легко оттолкнул руку со щитом и подбил ногу противника, в тот же миг еще и для верности толкая плечом. На землю упало уже мертвое тело, лишь слегка вздрогнувшее на короткий миг. Еще в полете тонкий клинок с точностью достойной сокола пикирующего на мелкую мышь вошел в горизонтальный глазной проем шлема и воткнулся в переносицу, проходя чуть дальше и слегка проворачиваясь в нанесенной ране.

После этого как таковой пир, омраченный смертью, не мог продолжаться и все гости медленно разбредались по выделенным им комнатам во дворце, или уходили в свои резиденции в городе. Многие говорили о случившемся, но все кому надо - понимали что к чему. Молодой рыцарь был довольно известен, дважды заняв престижное первое место в турнирах и три раза второе, уступив лишь более опытным и лучше экипированным. А тут его всего за пару ударов отправил к богам полуголый бывший наемник с тонким мечом. И как было сказано - каждый кому надо понимал, что не только один из офицеров бывшего отряда Рубиновых Масок может оказаться столь умелым, но и все остальные тоже, а значит Мартеллы обзавелись удобным союзником, который если удастся породниться с обитающими в Пекле Уллирами, возьмет на себя обширную территорию от Летнего моря вдоль всей Серноводной, до Дорнийской пустыни, отделявшей земли Гранд-лорда и его ближайших вассалов от возможных вторжений с запада, севера, юга. Не говоря уж о том, что молодой и полностью лояльный дом посреди Дорна - довольно удобный стратегический ресурс, который можно направить в любой конец региона.

В любом случае праздник закончился, лорды и торговцы разъезжались, а Авут, насладившись поддавшейся на соблазнение септой - собрал разбросанных по Солнечному копыю солдат и отдав последние приказы - погрузился на Морского Буйвола и отплыл за оставшимися на другом континенте. Уже в пути ворон принес ему весть о том, что дорнийская девица, что преследовала его долгое время и набивалась в любовницы - беременна и наотрез отказывается пить лунный чай, заявляя, что это только ее и Авута дело, и только после его слов она избавится от плода.

Прасет же думал не долго. Пусть он и не помнил даже имени этой девушки, но иметь возможность обзавестись потомством на Вестероссе от местной женщины - казалось вполне логичным, к тому же ему нужно было расширять клан в этом мире, а любовница из серебряноволосых валириек оказалась чересчур слабой и больше понести не была способна. К тому же его старшему сыну сейчас должно было исполниться два с лишним года, а иметь под собой младших о которых нужно заботится - приучает к ответственности и самостоятельности. В этом был убежден Авут, в этом его убеждали собственные предки, и в этом он убеждал потомков в старом мире, и будет убеждать детей в этом. Род должен быть силен и действовать на благо родни, таков закон мира, в котором самому не выжить, если ты не один из сильнейших.

Волны били о борта и нос каракки, вспениваясь и разлетаясь блестящими брызгами по округе, опадая обратно в водную гладь и на деревянный помост пирса, оставаясь там мелкими лужицами. Бухта Браавоса принимала в себя «Морского Буйвола» вместе с еще десятком других кораблей и выпускала из себя ровно столько же. Доки наполнились суетой торговцев и моряков.

И вот наконец тихо проскрипели доски пирса, на которые спрыгнули бывшие наемники, под командные окрики капитана-иббенийца принявшиеся наматывать стояночные канаты на специально подготовленные для этого деревянные сваи-кнехты с железными кольцами. Почти полторы недели пути без попутного ветра, чуть ли не при полном штиле и без единого столкновения – были просто Пеклом для команды корабля, но прибытие в нужное место, где их ожидают собратья и женщины – грело их стальные сердца. Особо был доволен Авут, он почти и не видел своего новорожденного сына. Даже имя, которое он дал своему первому ребенку в этом мире – Атхит, что значит Солнце, – казалось ему теперь глупым и выбранным слишком поспешно и на эмоциях. Символ нового восхода клана Прасет. И чем ближе Авут Прасет подходил к особняку, тем больше становились его тревоги, несвойственные человеку прожившему столько сколько он и уже давно отвыкшему от сильных переживаний. А это значило лишь то, что что-то произошло.

Уставившееся прямо на Авута расширяющимися глазами, угрюмое, испуганное лицо седоволосого Драйкаса, смотрителя дома, распахнувшего двери перед гостями, лишь укрепило догадки Патриарха и он, не слушая никого, ворвался внутрь. Коридоры проносились мимо, сереброволосые и пурпуноглазые силуэты смазывались, все превращалось в одну большую картину, что размыла вода. Прасет чувствовал где собралось самое большое беспокойство, словно большой черный, маслянистый шар негативных эмоций накрыл собой одну из комнат, давя на сверхъестественные чувства.

На кровати, утопая в мягкой перине и обставленный десятками подушек лежал худенький мальчик лет пяти. Но это только на вид, Авут прекрасно чувствовал родство с мальчонкой и понимал, что тому не больше трех. Неестественно побледневшее оливковое лицо было туго перевязано пахнущей травами повязкой на всю нижнюю половину. Впалые серо-голубые глаза лихорадочно поблескивали в сторону вошедшего мужчины. Прасет даже не сразу понял, как оказался возле кровати на коленях, аккуратно поглаживая голову больного. Завернутые, так же как и лицо, в душистые повязки худые руки дернулись, но вызвали у больного лишь сдавленный, болезненный стон.

-Что произошло? – хрипло выдавил новоявленный лорд, почувствовав, как кто-то застыл в дверях.

Угрюмо опутивший глаза в пол управитель особняка со скорбным тоном заговорил:

-Это полностью моя вина, господин. Я приставил некомпетентных женщин к вашему сыну в качестве нянек. Я...

-Я спросил, что случилось, а не кто виноват.

-Молодой господин Атхит очень быстро рос и как вы видите уже в своем возрасте он похож на мальчишек куда старше. Долгое время он участвовал в играх и драках с другими детьми, но очень скоро это уже не помогало справиться с плещущейся через край энергией, и он вышел на улицу, сначала связавшись с обычными сорванцами, а потом с оборвышами и ворюгами. Он постоянно возвращался с прогулок с парой синяков, но никогда ничего серьезного. А потом молодой господин узнал про то что по ночам городские улочки забивают бравы с кандидатами в банды и захотел посмотреть на них. Ни с кем серьезным юный господин не встречался, так как я отправлял за ним пару надежных охранников, отваживавших особо серьезных душегубов, но очень скоро даже они не смогли углядеть и Атхит вышел к Лунному пруду, где ввязался в пару стычек с кандидатами в шайки.

-Это сделал кто-то из этих ублюдков?

-Нет, господин, просто...

-Тогда какого черта ты тянешь эту лямку?! – хрипло рыкнул Авут. - Я спросил, что случилось!

-Я, я просто подумал, что вам захочется узнать, как жил и чем интересовался ваш сын, господин. Захочется отвлечься. – быстро затараторил старик, заламывая руки. Но увидев взгляд недовольного Прасета, спешно продолжил. – Около месяца назад молодой господин Атхит играл с остальными детьми во дворе и в какой-то момент налетел на жаровню и опрокинул ее. Окрик одной из нянек и реакция мальчика помогли ему и он, выставив руки, смог остановить падение, но раскаленное железо оказалось не по зубам даже крепкому телу молодого господина и угли перекинулись через край прямо на него. От жара пострадала вся нижняя часть лица и часть горла. Местные лекари сделали все что смогли и сказали, как ухаживать, один каждые два дня заходит проверить состояние. Мы уже даже не надеялись, что молодой Атхит выживет. Он же стал для всех в поместье как родной, такой непоседливый родственник, чей отец оставил его на попечение. Но он очнулся за пару дней до вашего прибытия. Правда... Сможет ли он говорить после травмы. Даже лекари не знают, что может ему помочь избавиться от боли и облегчить жизнь с увечьями.

Авут рассеянно кивнул и махнул рукой, прогоняя старого слугу. Все было как он и ожидал – в ране еще чувствовалась энергия огня, сильно ослабленная и почти выбитая лекарственными травами и холодными компрессами. Обычное дело для ожога и избавиться от этого не составит труда. Но то что рана на теле его сына – случайность, Прасет сомневался. Нет, конечно ля всех это произошло случай, что необычного-то, мальчишки играли, бегали, бесились и в один момент за всем этим не уследили за ногами и один из них покалечился. Случайность же. Но в веренице ощущений, пронизывающих пальцы и в мельтешащих перед глазами энергиях Авут чувствовал чуждую человеку и даже его потомку силу. Силу почти развеявшуюся, но все же словно кокон оплетающую тело мальчика. Почти божественную Силу этого мира, устроившую несчастный случай с жаровней и игравшим ребенком.

Это был более чем непрозрачный намек для Авута, что он нежелательный винтик в механизме. Что он рушит кем-то установленный план. Слабая, еле ощутимая и скорее инстинктивная воля

мира защищала свою целостность, не особо желая принимать инородный объект.

Авут зло усмехнулся. Ну конечно, не могло все пройти столь легко и приятно для человека - нарушившего покой самобытного мира, чей создатель велел ему защищаться. Еще будучи Патриархом Авут видел книги некоторых теоретиков и ученых о том, что за новые возможности нужно заплатить. И пусть это относилось к демоническим и некоторым другим неортодоксальным практиками, этот же принцип можно отнести и к жизни в других мирах. Для многих такой платой становится смерть и перерождение или огромные усилия и затраты при перемещении, для кого-то это сложности в начале пути в виде проклятия, раны, социального положения и прочего, а для кого-то и вовсе испытания, что выпадут на его долю, и долю родных через несколько лет счастливой жизни. Для некоторых платой может стать и вовсе целая комбинация.

Прасет же сам пришел в новый мир, раскрыв воронку пусть и ценой некоторых усилий, да утратив накопленную силу, но вернуть ее ему - не проблема, достаточно лишь желания и пары стычек с которых он соберет остаточную энергию. Вроде бы сложный старт с помолодевших телом и в виде мелкого оборванца в месте где процветает работоторговля Авут воспринял как легкую, приятную прогулку, быстро решив свои проблемы и выбивших в верха общества. Все ситуации, которые заставили бы понервничать обычного человека Патриарх проходил играючи, с высоты своего опыта воспринимая кровавые баталии с нулевым шансом выжить, как что-то веселое, будоражащие кровь, давно забытые ощущения. Душа же Прасета и вовсе оставалась душой тысячелетнего могущественного существа, приблизившегося к некоторым богам, а потому любые проклятия и насылаемые псевдо-волей мира проблемы просто обтекали или сгорали в оболочке души. И тогда остался единственный возможный вариант «стребовать плату» - через родных. А роднее сына в этом мире у Прасета никого не было и вот он результат.

Улыбка Прасета медленно перетекала в оскал. Что же, если все идет по такому сценарию, то не остается ничего как написать свой, предварительно порвав старый и показав что шутить с таким не стоит.

Прасет аккуратно взял раненного мальчика за пострадавшие руки и закрыл глаз. Энергия потекла из Авута прямо в его сына. Атхит тихо всхлипнул, чувствуя то что никогда раньше не чувствовал и мог никогда не почувствовать. Все мальчишечье тело заворочалось, задрожало как от холода, покрылось испариной, из-под повязок покрывавших рот вырвалось бледное облачно пара. До того мутные глаза прояснились и расширились, из трепещущейся словно у птицы груди вырвался сиплый, почти свистящий звук и мальчишка задрожал. Под потускневшей загорелой кожей словно еще больше посинели вздувшиеся, пульсирующие вены. Сквозь поры Атхита начали проступать бисерины сначала темно-красной, а потом и вовсе черной, смолянистой жижи. Быстро сохнущей и обращающейся в черную, дурно пахнущую корку на коже, медленно трескавшуюся и опадающую на простыни сухими хлопьями. Сердце маленького Прасета билось словно молот по наковальне, громко оглашая комнату неравномерными, глухими ударами. Из бешено вращающихся глаз Атхита брызнули слезы, до того еледвигающиеся руки с хрустом сжались в кулаки, сминая и разрывая одеяло, а сиплые выкрики из пострадавшего горла превратились в самый настоящий звериный рык. Тело мальчика под влиянием духовной силы Авута избавлялось от нечистот и медленно переходило на другой уровень существования, наполняя духовное ядро энергией, пронизывавшей и укреплявшей каждую клеточку как физического, так и энергетически-духовного тела.

На тот уровень, на котором мир уже не сможет пробиться сквозь бушующую в духовных линиях силу.

<http://tl.rulate.ru/book/48855/1344347>